В.Д.Ульянов

В ГОРКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В.Д.Ульянов

В ГОРКАХ

Рассказы

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

13.5
У51

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Виктор Дмитриевич Ульянов, сын Дмитрия Ильича Ульянова, племянник В. И. Ленина, рассказывает в этой книге о своём детстве, о жизни в семье Ульяновых. Книга написана для детей.

Литературная запись

И. Я. ГАЛКИНА

Оформление В. Терещенко

У $\frac{4803010102—298}{М101(03)86}$ 405—86

Из глухой деревни в столицу

В Москву меня привезли из глухой деревни зимой 1921 года, когда мне ещё не исполнилось и четырёх лет.

Вспоминая о своей жизни в семье Ульяновых, я хочу рассказать здесь только то, что прочно сохранилось в моей памяти. Возможно, некоторые эпизоды я помню потому, что о них часто вспоминали в семье, в которой я прожил 18 лет — с 1921 по 1939 год.

Однако своё первое в жизни путешествие, да ещё на автосанях, я запомнил сам.

До этого я знал — ездить можно только на лошадях. Ни о каком другом транспорте я понятия не имел. Правда, бабушка рассказывала ещё о ковре-самолёте, но, кажется, я уже тогда понимал, что ковёр летает только в сказках.

Мой отец — Дмитрий Ильич — в годы гражданской войны находился в Крыму, который был отрезан от Советской России. В это время внезапно умерла мама, и я остался с бабушкой. Ей некогда было нянчиться со мной. Она едва успевала ходить за скотиной и ухаживать за огородом.

В то время в деревнях ещё не было ни тракторов, ни автомобилей, поэтому когда зимой 1921 года на нашу тихую улицу внезапно с оглушительным шумом влетели автосани, то посмотреть на это чудо сбежались все жители деревни. Среди ошеломлённых зрителей был и я.

И вдруг оказалось, что это чудо-юдо приехало за мной.

Не успел я опомниться, как был одет, закутан во что-то тёплое и посажен в автосани. Машина взревела и, подымая вихри снега, помчалась по белому бездорожью в Москву.

По совету Владимира Ильича за мной приехала его сестра Анна Ильинична. Вёз нас шофёр В. И. Ленина С. К. Гиль.

Мы ищем бабушку

В Москве в то время автомобили встречались редко. Автобусов, троллейбусов и метро совсем не было. Но сам город с его огромными домами, потоками прохожих, громыханием трамваев меня очень испугал.

Не успели мы доехать до дома, как мне захотелось вернуться обратно. Всё, что я увидел в Москве, было так непохоже на нашу тихую, занесённую снегом деревню с её низкими,крытыми соломой избами, просторными и безлюдными улицами, по которым в зимнее время иной раз за весь день не проедут ни одни сани, где так вольготно было кататься на санках с горок, сооружённых нами прямо на улице.

Целый день я хныкал и просился к бабушке, а вечером Анна Ильинична одела меня и сказала:

— Пойдём поищем бабушку.

Мы обошли кругом весь квартал на Манежной улице, где жила Анна Ильинична, но бабушку не нашли. На следующий день снова пошли искать бабушку. Обошли весь Александровский сад, но и там её не встретили. Вот так Анна Ильинична много раз ходила со мной искать бабушку, пока я не свыкся с непривычной городской обстановкой и крепко привязался к Анне Ильиничне и всей семье Владимира Ильича. Тогда, как и теперь, в Александровском саду у стен Кремля гуляли дети. Анна Ильинична пыталась включить меня в игры ребят, подружить с ними. Но я сначала дичился городских детей. Их игры и даже разговоры были мне непонятны. Устав от бесконечных хождений, Анна Ильинична усаживалась со мной на скамейку, вынимала из сумочки книжку и читала её мне. Дети отрывались от своих игр, окружали нас и внимательно слушали чтение.

Вскоре я перестал стесняться городских детей, втянулся в их игры, и Анна Ильинична могла уже меньше бродить со мной, чаще отдыхать на скамейке.

Сказки Анны Ильиничны

Зимой, когда поля и огороды были плотно укрыты снегом, в долгие вечера бабушка рассказывала мне сказки, которых знала великое множество. Это были большей частью сказки про домовых и леших. Я слушал их, затаив дыхание от страха, но с замиранием сердца просил рассказывать ещё и ещё, пока сон не слипал мне глаза.

Сказки Анны Ильиничны были совсем другими. Когда мы с Анной Ильиничной возвращались домой после бесплодных поисков бабушки, я долго не хотел засыпать, требуя, чтобы мне рассказывали сказки. В сказках Анны Ильиничны не было ни домовых, ни леших, а были обыкновенные люди: богатые и бедные, добрые и злые, мальчики и девочки, хорошие и плохие. Как я узнал потом, она сочиняла их тут же, у моей постели.

Когда я просил повторить ту же сказку, которую слышал накануне, Анна Ильинична рассказывала её совсем по-другому. Менялись люди и их поступки. Я протестовал, поправлял её, требовал повторения слово в слово. Анна Ильинична пыталась вспомнить, как она рассказывала вчера, но это ей не всегда удавалось, и тогда она стала записывать свои сказки. Много лет спустя, уже после смерти Анны Ильиничны, я видел её тетради с этими сказками. Возможно, где-то в её бумагах они хранятся до сих пор.

Иногда Анна Ильинична не рассказывала, а читала сказки. Особенно запомнились мне сказки Пушкина. Некоторые из них — о спящей царевне, о царе Салтане — я знал почти наизусть, потому что просил читать их вновь и вновь.

Но больше всего мне нравилась сказка «О попе и о работнике его Балде». В ней действовали привычные для меня персонажи — черти и поп, о которых часто рассказывала моя бабушка. Анна Ильинична вспоминала впоследствии, что я упорно упражнялся в щелчках, добиваясь, чтобы и от моего щелчка жадный поп прыгнул до потолка.

Первая встреча

В деревне мне редко приходилось видеть незнакомых людей, поэтому в детстве я был очень застенчивым.

Когда я впервые увидел Владимира Ильича, то от смущения залез под диван. Стоило больших трудов выманить меня оттуда. Но вскоре я крепко подружился с Владимиром Ильичём. Он любил слушать деревенские частушки, которых я знал тогда очень много. Стоило ему попросить меня спеть что-нибудь, как я «заводился», как долгоиграющая пластинка, и меня уже трудно было остановить. Ильич, слушая частушки в моём исполнении, хохотал до слёз. Эти частушки передавали настроение деревни первых лет Советской власти, отношение крестьян к новым порядкам, характеризовали то новое, что пришло в деревню после революции. Вероятно, это отчасти объясняло интерес Владимира Ильича к моему пению.

Поездки в Горки

До болезни Владимир Ильич выезжал в Горки с семьёй только с субботы на воскресенье. Ездили мы в Горки на одной и той же машине с неизменным шофёром С. К. Гилем. С нами обычно ездила и Варвара Игнатьевна Кукушкина (тётя Варя — звал её я), которая вела несложное хозяйство Анны Ильиничны. Перед выездом Владимир Ильич обычно звонил из Кремля по телефону и предупреждал, что через несколько минут заедет за нами.

В Москве я жил у Анны Ильиничны в доме № 9 по Манежной улице, который находится почти напротив Боровицких ворот Кремля.

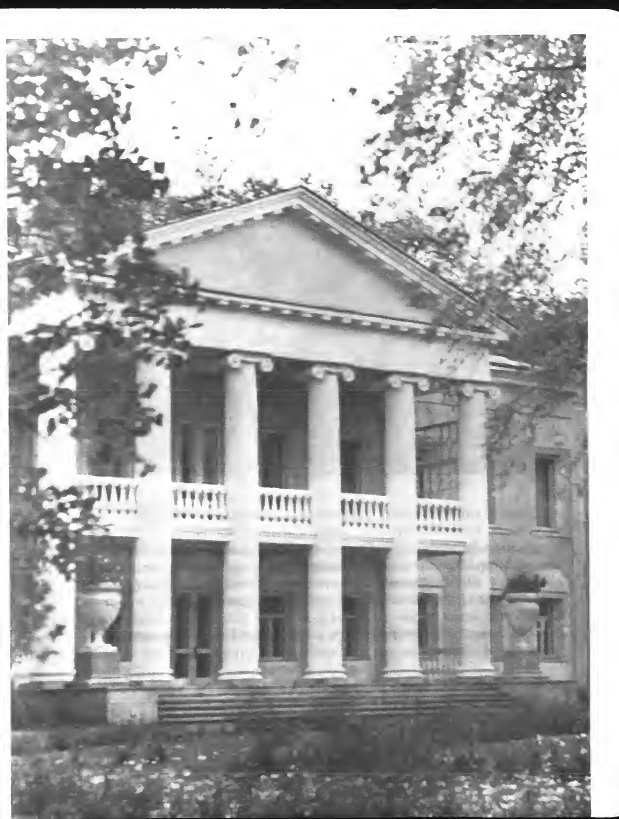
После телефонного звонка дяди Володи я выходил на балкон и с нетерпением ждал сигнала машины. А сигнал у машины Гиля был особенно пронзительный, я легко отличал его от всех других. Обычно Гиль подавал сигнал, находясь ещё за Боровицкими воротами Кремля. Услышав его, я стремглав сбегал вниз и встречал машину уже у нашего подъезда.

Владимир Ильич выходил из машины и, обращаясь ко мне, говорил:

— Ну ты, пострел, всегда поспел, а Анечка, наверно, ещё собирается, пойдём поможем ей.

И, взяв меня за руку, он подымался со мной на четвёртый этаж (лифта в доме тогда не было). Анна Ильинична

Горки. Большой дом. ▷

частенько запаздывала со сборами. Входя в квартиру, Владимир Ильич шутливо спрашивал:

— Ну что, Анечка, опять иголки ищешь? Ну, давай поищем вместе.

Хотя эти задержки неизменно повторялись, Владимир Ильич никогда не сердился, а с весёлыми шутками помогал собирать вещи.

ЧП

За все годы, которые я прожил в семье Ульяновых, я ни разу не видел, чтобы члены семьи сердились друг на друга.

Здесь всегда царило задушевное уважение друг к другу.

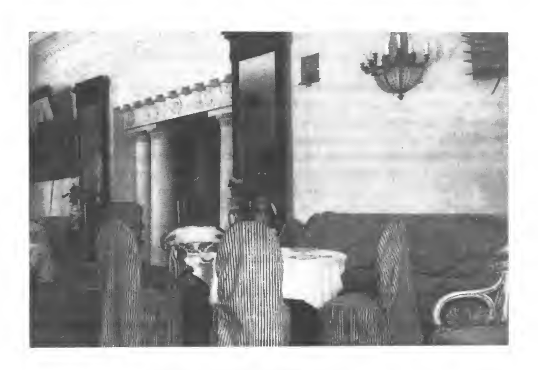
Завтракали, обедали и ужинали в Горках всегда в одно и то же время.

Столовая была внизу, в самой большой комнате дома, которая называлась «Зимний сад».

В кресле без чехла сидел Владимир Ильич, слева от него, на диване,— Надежда Константиновна, справа — Мария Ильинична, рядом с ней ставили стул для меня, а справа от меня сидела Анна Ильинична, и рядом с ней — мой отец Дмитрий Ильич.

Такой твёрдо соблюдаемый порядок создавал какую-то хорошую, дисциплинированную обстановку в семье. Она сохранялась даже во время болезни Ильича. Он не любил, чтобы кто-нибудь за ним ухаживал, и когда ему стало трудно спускаться в столовую и подыматься к себе на второй этаж, он попросил сделать вторые перила, чуть пониже тех, которые были. Опираясь на них, Владимир Ильич самостоятельно сходил со второго этажа и всегда являлся к столу вовремя.

Запомнилось мне лишь одно, как говорят в армии, ЧП

Столовая в «Зимнем саду» Горок.

(чрезвычайное происшествие) за столом, и виновником его был я.

Мой отец — Дмитрий Ильич — любил стручковый перец. Каждый раз перед обедом он нарезал его мелкими дольками и ел как приправу к первому и ко второму блюдам. Мне его он, конечно, не давал.

Думая, очевидно, что запрещённый плод всегда сладок, я однажды взял крохотную дольку перца и быстро её съел. Показалось, что у меня во рту вспыхнул пожар! Я попробовал быстро залить его одной, другой, третьей ложкой супа, но ничего не помогло. Язык и горло жгло всё сильнее и сильнее. Сказать я ничего не мог, у меня, как говорят, дух захватило.

Перед Владимиром Ильичём всегда стоял графин с водой. Я молча встал со своего места, обошёл стол, подошёл

к Владимиру Ильичу и, ни слова не говоря, взял графин и налил воды в стакан, выпил, ещё налил, ещё выпил и... заревел.

Пока я молча совершал «экскурсию» вокруг стола, наливал и пил воду, все с удивлением смотрели на меня, а когда я неожиданно горько заплакал, все всполошились. Владимир Ильич сразу догадался, в чём дело, и сказал моему отцу, чтобы он подальше убирал своё зелье.

Как мы собирали ягоды

Владимир Ильич любил собирать ягоды и грибы. Они росли не только в лесу, их было много и в парке. Ильич часто брал меня с собой, мы вместе собирали их недалеко от дома. Грибы я хорошо собирал. Я был ненамного выше их, мои глаза были ближе к земле, и видели они лучше, чем у взрослых. Владимир Ильич щедро хвалил меня за каждый найденный гриб. Это заставляло меня ещё более ретиво искать их.

Вот только с ягодами мне не везло. Не то чтобы я их хуже видел, но ведь сырые грибы не едят, а ягоды как-то незаметно для себя я отправлял в рот. Когда надо было возвращаться домой, моя кружка была пуста. Тут уж хвалить меня было не за что. Да я и не ждал похвалы, а с завистью пожирал глазами наполненную ягодами кружку Владимира Ильича. Он в таких случаях лукаво смотрел на меня и, добродушно смеясь, отдавал свою кружку. Я, конечно, быстро уничтожал её содержимое. Мы почти всегда домой возвращались с пустыми руками.

Очень скоро нам уже перестали доверять собирать ягоды к чаю. А зачем собирать ягоды к чаю, когда их можно и так есть?

Жёлуди

Иногда по воскресеньям вся семья Владимира Ильича отправлялась искать грибы и ягоды далеко в лес. Уходили рано утром, на рассвете. Подготовка к этим походам не была для меня тайной. Вставал я рано. Поэтому к походам в лес был всегда готов. Когда меня из-за плохой погоды пытались оставить дома, Владимир Ильич обычно заступался за меня, настаивал, чтобы меня брали с собой в любую погоду.

В лесу мы также собирали жёлуди. Собирать их было легче, чем искать грибы и ягоды. Ими была усыпана земля под каждым дубом. Тогда мне — пятилетнему мальчугану — казалось это простой забавой. Значительно позже я узнал, что сбор желудей был не забавой, а очень полезным делом.

Первое время, когда семья Владимира Ильича выезжала на отдых в Горки, она питалась там, как шутя говорила Надежда Константиновна, «чем бог пошлёт». Привозили с собой хлеб, картошку и пили кофе, который приготовляли из собранных нами желудей.

Живая природа

Анна Ильинична не любила собирать грибы. Когда мы ходили с ней в лес одни, она знакомила меня с природой, говорила о свойствах различных растений, объясняла, какую они приносят пользу, почему называются так, а не иначе, например: мать-и-мачеха, подорожник, иван-да-марья.

Слушая рассказы Анны Ильиничны, я по-настоящему начинал понимать, почему говорят — живая природа. Она казалась мне не только живой, но как бы одушевлённой.

— Витя, пощупай эти листики,— говорила Анна Ильинична, наклоняясь к цветку.— Видишь, сверху они гладкие и на ощупь холодные, а снизу ворсистые и кажутся тёплыми. Вот поэтому его называют мать-и-мачеха. Это растение очень полезное, из его листьев делают лекарство. А вот эта трава называется иван-да-марья потому, что она во время цвете-

Любимая беседка В. И. Ленина в парке Горок.

ния имеет двойную окраску — цветок жёлтый, а листья, прикрывающие его, почти синего цвета. Трава эта вредная, семена её могут даже отравить животных. А вот это полезное растение, оно растёт вдоль дорог и называется подорожник. В дороге всякое может случиться — ушибёшься, поранишься. Сорви подорожник, приложи к больному месту — и боль пройдёт.

Анна Ильинична учила меня делать гербарии. Это надо было выполнять с величайшей аккуратностью, бережно перекладывая каждый листик промокашкой.

Страстно любя природу, она и мне привила эту любовь.

«Охота» за помидорами

В те годы, когда Владимир Ильич жил в Горках, в нашей стране было очень голодно. Война, сначала империалистическая, а потом гражданская, разорила наше государство. Не хватало хлеба и овощей. Рабочие тогда начали разводить огороды, сажать картофель, используя каждый клочок земли.

У нас в Горках на большой клумбе, где раньше цвели розы, росли помидоры. Я их очень любил, и мне давали их вдоволь, но, конечно, помидоры, которые мне удавалось сорвать самому, пусть даже полузелёные, казались мне куда вкуснее. Однако рвать помидоры мне было строго-настрого запрещено.

Чтобы обмануть бдительность Анны Ильиничны и Марии Ильиничны, я начинал «охоту» за помидорами издалека. Уходил на другую сторону дома и, ползая по траве, пригибая как можно ниже голову, осторожно подбирался к клумбе.

Беда заключалась в том, что мне, как страусу, казалось тогда, если спрячешь голову, тебя никто не увидит.

Если меня обнаруживали, прежде чем я успевал обогнуть дом и пробраться к клумбе, то я уверял, что ползаю по-пластунски.

Но женщины не оценивали важности этих «военных занятий» и строго отчитывали меня. Они, конечно, прекрасно понимали цель моих пластунских упражнений. Когда же Владимир Ильич с балкона второго этажа видел, как я, пряча голову в траве, ползу к заветной клумбе, он лишь громко смеялся. Но всё равно это тоже всякий раз срывало мою «охоту».

Шипучка

В Горки ежедневно привозили газированную фруктовую воду. Её называли шипучкой, потому что она шипела, когда её наливали в стаканы. Приготовлялась она, кажется, с сахарином, и, наверное, поэтому её считали вредной для детей. Я как-то попробовал её, и мне она показалась совсем не вредной, а очень вкусной. Ведь в то время не было сладостей, не было конфет, пирожных, сахар и то не всегда был. Я не мог спокойно смотреть, когда взрослые пили шипучку, а мне не давали.

Однажды за ужином, глотая слюни, я с жадностью смотрел, как пили воду. Чаша моего терпения лопнула, и я устроил бунт за столом. Средства у меня были ограниченные, свой протест против «несправедливых» порядков, установленных взрослыми, я мог выразить только рёвом. Владимир Ильич молча поставил передо мной полную бутылку шипучки.

Надо было видеть, рассказывала потом Мария Ильинична, с каким победоносным видом посмотрел я на всех под одобрительный смех Ильича.

Река Пахра.

На реке Пахре

Владимир Ильич часто брал меня с собой купаться. Он очень хорошо плавал, а речка Пахра, протекающая у Горок, довольно узкая. Там негде развернуться хорошему пловцу. Впрочем, мне тогда эта речушка казалась большой и полноводной, и я с удовольствием в ней «плавал», тоже по-пластунски — животом по отлогому песчаному дну.

Конечно, мне казалось, что я плаваю не хуже Владимира Ильича.

Он, бывало, выплывет на середину реки, ляжет на спину, и его несёт по течению.

Однажды он влез в воду и поплыл, держа высоко над водой газету. Доплыв до середины, он лёг на спину и стал читать газету. Когда после купания он вылез на берег, газета была суха. После этого случая я окончательно признал несомненное превосходство Владимира Ильича в этом деле. Да и сейчас, я думаю, не так много найдётся людей, которые смогли бы так хорошо плавать.

Как я снимался с Владимиром Ильичём

Весной 1922 года Владимир Ильич серьёзно заболел. Врачи потребовали, чтобы он прервал работу и уехал в Горки на отдых.

Слухи о болезни Ильича очень волновали рабочих и крестьян нашей страны.

Чтобы успокоить трудящихся, газета «Правда» прислала в Горки своего фотографа, который должен был сделать несколько снимков Ильича на отдыхе.

Было это в августе, лето кончалось. Фотограф приехал рано; утро было прохладное; Владимир Ильич захотел, чтобы снимался и я.

Я капризничал, не желая надевать свитер, и смирился только тогда, когда увидел, что и Владимира Ильича заставляют потеплее одеться.

Первый снимок был сделан, когда мы с Владимиром Ильичём шли из дома по направлению к его любимой аллее. Владимир Ильич держал меня за руку.

Когда фотограф попросил всех нас сесть на скамейку и приготовился к съёмке, я решительно запротестовал. В Гор-

А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, В. И. Ленин с племянником Виктором и дочкой рабочего Верой Брусовой. 1922 г.

ках я дружил с девочкой Верой, она в это время стояла около нас. Я попросил, чтобы и Вера снялась с нами.

Фотограф попытался втолковать мне, что ему надо снять Владимира Ильича в кругу семьи, но я не желал слушать никакие объяснения, считая, что если снимаются все, то должна сниматься и Вера. Владимир Ильич и Надежда Константиновна поддержали меня.

Счастливая Вера села рядом с нами. Только тогда я успокоился и постарался сесть, как дядя Володя. На снимке видно, что это мне не очень удалось. Первый снимок был испорчен. Я выглядел на нём сердитым и, как говорят, зарёванным. Но фотограф сделал несколько снимков,— остальные были лучше. «Сердитый» снимок он отдал нам на память, а другие были опубликованы.

Меткий стрелок

Владимир Ильич, наверное, совсем не умел сердиться на детей. Все мои шалости, за которые мне немало влетало от Анны Ильиничны и Марии Ильиничны, у него вызывали лишь добродушный смех.

Как и все мальчишки, я любил играть в войну. Тогда я увлекался стрельбой из самодельного лука. Стрелы я мастерил с острым наконечником, вставляя в них, уже не помню как, тонкие гвозди остриём вперёд.

Однажды утром, когда я с азартом упражнялся в стрельбе, посылая стрелы в кусты, где, по моей фантазии, засели белогвардейцы, на балкон дома вышел Владимир Ильич. Он стал подзадоривать меня, говоря, что до балкона моя стрела не долетит.

Натянув тетиву, я пустил стрелу вверх. Она взвилась выше крыши.

С гордостью победителя я смотрел на Ильича. Мой петушиный вид вызвал у него весёлый смех.

В это время ко мне подбежала Мария Ильинична, отругала меня и отобрала лук и стрелы.

В. И. Ленин с племянником Виктором. 1922 г.

В. И. Ленин в Горках. 1922 г. (Фото М. И. Ульяновой.)

Мне стало до слёз обидно не за то, что меня разоружили (в запасе у меня были и луки и стрелы, я мастерил их в большом количестве), я не понимал, за что меня ругают. Из воинственного петуха я готов был превратиться в мокрую курицу.

Но тут Владимир Ильич заступился за меня, заявив, что я не виноват, он сам предложил мне пустить стрелу вверх.

Мария Ильинична вернула мне моё оружие, предварительно вытащив гвозди из стрел.

И в раннем детстве, о котором я пишу сейчас, и в более позднее время я никогда не замечал, чтобы между членами семьи В. И. Ленина были какие-либо споры. Это был единственный случай, когда между Владимиром Ильичём и Марией Ильиничной было разногласие в оценке моего поведения. Может быть, поэтому я его так запомнил.

Корабли и коляска

Владимир Ильич всегда относился к детям с удивительным вниманием. Он не подлаживался, а разговаривал с детьми просто, как с равными. Это располагало к нему всех ребят, живших тогда в Горках.

Однажды я вместе с другими ребятами играл на аллее парка. Мы лепили из мокрого песка кораблики. Ильич тогда был болен и на прогулку выезжал в кресле-коляске с приспособлениями, которые позволяли самому её передвигать.

Когда Ильич показался в начале аллеи, мы ждали, что он обязательно раздавит наши кораблики, но Ильич осторожно объехал их. Тогда мы решили построить корабли поперёк всей аллеи, так, чтобы Владимир Ильич не мог их объехать. Мы не жалели труда, нам очень интересно было посмотреть, как коляска раздавит корабли. Но Ильич, возвращаясь обратно, доехав до наших сооружений, свернул на траву,

хотя это и было очень тяжело для него. Он не хотел огорчать нас. Уважая всякий труд, Ильич не мог понять наших «разрушительных» желаний.

Надо всегда говорить правду

В деревне дети рано становятся самостоятельными. А со мной, когда я жил в деревне, и вовсе нянчиться было некому, поэтому я рано научился всё делать сам. Анна Ильинична гордилась моими успехами и часто рассказывала об этом родным и знакомым. А вот с ботинками я долго не мог справиться. В деревне с весны до поздней осени мы бегали босиком, а зимой — в валенках. Первые ботинки мне купила тётя Аня. Долго, лет до пяти, я никак не мог понять, какой ботинок надо надевать на правую ногу, а какой на левую. Меня это очень смущало, а за помощью к старшим я стеснялся обращаться.

В Горках я просыпался раньше всех, потихоньку одевался и убегал в парк. Владимир Ильич тоже вставал очень рано и перед завтраком уходил гулять. Иногда мы встречались в парке и продолжали гулять вместе.

Помню, как-то в конце лета утро было особенно солнечным, тёплым, на небе ни облачка, на траве сверкали крупные капли росы. Вдоволь набегавшись по росистой траве, я сильно промочил ноги и устало побрёл домой, хотя уходить из парка в такое прекрасное утро совсем не хотелось. Недалеко от дома навстречу мне вышел Владимир Ильич. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Витя, а ботинки ты неправильно надел: правый ботинок на левую ногу, а левый — на правую.

— Нет, дядя Володя,— почему-то возразил я,— у меня такие ботинки, их можно надевать на какую хочешь ногу.

Владимир Ильич улыбнулся и спросил:

— А не жмут?

В. И. Ленин с племянником Виктором в парке Горок. 1922 г.

— Нет,— соврал я, хотя ботинки сильно жали.

Что побудило меня сказать неправду Ильичу, до сих пор не пойму, но едва он отошёл, я присел на скамейку, быстро переобулся и сразу почувствовал себя отдохнувшим. Теперь ботинки действительно не жали, я не пошёл домой и продолжал бегать по парку.

Встретив возвращавшегося с прогулки Владимира Ильича, я подбежал к нему и чистосердечно признался:

— Дядя Володя, а правда, я ботинки не так надел, вот теперь совсем хорошо, теперь они совсем не жмут.

Владимир Ильич добродушно рассмеялся и сказал:

— То-то! Надо слушаться старших и всегда говорить правду.

Шумные игры

В Горках я проводил лето, а зимой, как я уже рассказывал, жил у сестры Владимира Ильича — Анны Ильиничны, в доме № 9 по Манежной улице. Анна Ильинична жила в нём с 1919 по 1935 год. На фасаде этого дома теперь установлена мемориальная доска.

Владимир Ильич часто приходил к Анне Ильиничне.

Для меня каждое его посещение было праздником. Как весело и интересно становилось в квартире, когда приходил дядя Володя!

Мы частенько затевали шумные игры. Играли в прятки, салочки, бегали по комнатам, коридору, опрокидывали стулья и однажды, к ужасу тёти Ани, любившей во всём образцовый порядок, опрокинули большой обеденный стол, стоявший посреди комнаты.

Владимир Ильич, кажется, увлекался игрой не меньше, чем я. В тот раз он никак не мог поймать меня. Я ловко

увёртывался и, наконец, подлез под стол, Владимир Ильич — за мной. Вот тогда-то стол и опрокинулся.

Правда, после шумной возни мы всё приводили, как говорил Владимир Ильич, в норму, но редко заслуживали одобрение тёти Ани. Восстановить всё, как было, нам не удавалось. Всегда получалось, что мы что-нибудь сделали не так.

Мне ярко запомнились эти игры.

Владимир Ильич умел быстро, без всякого нажима переключить моё внимание на спокойное занятие. Начнёт расспрашивать, чем я занимался в детском саду, или расскажет какую-нибудь занятную историю, а то предложит сыграть в настольную игру или начнёт мастерить вместе со мной дом из кубиков. И я легко, как-то незаметно для себя переключался на спокойную игру.

С четырёх лет я ходил в детский сад. Он помещался на четвёртом этаже дома № 20 по Моховой улице. Тогда в первом этаже помещалась приёмная «всероссийского старосты» Михаила Ивановича Калинина. Ходил я в детский сад охотно, это я хорошо помню, и Анна Ильинична мне об этом рассказывала. Мне всё нравилось в нём — занятия, игры, и я очень дружил с ребятами из своей группы.

Однажды тётя Варя привела меня в сад, быстро раздела (она куда-то торопилась) и велела идти в свою группу. Двери были все одинаковые. Я спутал и попал в комнату другой группы. Открыл дверь и... увидел совершенно незнакомых ребят. Я так испугался, что решил сбежать домой. Я потихоньку попятился назад, закрыл за собой дверь, нашёл в коридоре свой ящичек, оделся, спустился вниз и, никем не замеченный, вышел из дома. Пересечь Моховую улицу, по которой тогда ходили трамваи, для пятилетнего мальчика было не так легко, а главное — небезопасно. Моё самостоятельное возвращение домой вызвало целый переполох. Досталось мне и от тёти Ани.

Подарок

Владимир Ильич очень любил животных.

Все, наверное, видели фотографию Владимира Ильича с кошечкой на руках.

Был такой знаменитый профессиональный революционер Камо. Во время первой русской революции он был организатором боевых дружин в Закавказье. За революционную борьбу царские суды не один раз приговаривали его к смертной казни, но Камо всегда удавалось бежать из тюрьмы.

Камо очень любил Владимира Ильича Ленина. В 1919 или 1920 году Камо привёз из Баку кошечку. Вёз он её почему-то за пазухой. В дороге она исцарапала ему всю грудь. Камо всё стерпел, довёз кошечку до Москвы и подарил В. И. Ленину.

Об этом мне рассказывала Надежда Константиновна Крупская.

Не знаю, та ли самая кошечка снята на фотографии или другая.

Кино в Горках

В Горках часто показывали кинокартины. В зиму 1923/24 года киносеансы проводились почти каждый вечер. Владимир Ильич был тогда очень болен и из Горок не выезжал.

В то время кинокартину показывали не как теперь, всю сразу, а по частям. Перерывы между частями были довольно продолжительными. К тому же киноаппарат был старенький, работать на нём надо было вручную. Ленты часто

В. И. Ленин. Горки. 1922 г. (Фото М. И. Ульяновой.)

рвались, приходилось зажигать свет, склеивать киноленту, снова вставлять её в аппарат и продолжать крутить ручку.

Демонстрировались картины в самом большом зале дома — в «Зимнем саду». Вечером приходили все работники дома со своими чадами и домочадцами. Больше всего было ребятишек, для них всегда оставляли первые ряды.

Во время частых перерывов Владимир Ильич вставал со своего места и прохаживался вдоль длинного зала. Иногда он останавливался около ребят и с интересом прислушивался к нашему оживлённому обмену мнениями.

Для меня, как и для всех детей, эти зимние вечера были самыми интересными. Они запомнились на всю жизнь.

Я плохо помню, какие картины показывали нам тогда. Остались в памяти два артиста: Чарли Чаплин и Джекки Куган. Кинокартины с их участием любили смотреть все, они вызывали весёлый смех у взрослых и детей.

Джекки Кугану, когда он играл с Чарли Чаплином, было столько же лет, сколько большинству зрителей первых рядов, и мне в том числе. Поэтому мы с особым интересом следили за его похождениями.

Больше всего мне запомнилась картина «Красные дьяволята».

Накануне демонстрации этого фильма у меня сильно разболелся глаз. Болел он давно, но в этот день боль особенно усилилась. У меня, как говорят, вскочил ячмень. Глаз опух и почти закрылся. Целый день я мучился от нестерпимой боли. Однако вечером, когда мне предложили пораньше лечь спать, я решительно запротестовал. Уйти из зала, когда вот-вот начнётся показ кинокартины, было свыше моих сил. Я доказывал Марии Ильиничне, что, во-первых, у меня в запасе есть ещё совершенно здоровый глаз и, во-вторых, другой глаз уже почти не болит. Видя, что мои столь убедительные доводы не действуют, я отчаянно заревел. Владимир Ильич услышал мой рёв и, увидев, как я огорчён, заступился за меня. Мне разрешили остаться в зале.

Как только погас свет и на экране появились первые кадры, боль, наверное от напряжения, стала совсем непереносимой. Перед глазами замелькали какие-то огненные круги,

казалось, что у меня действительно «посыпались искры из глаз».

Боль была тем сильней, что мне теперь уже нельзя было никому пожаловаться. Ведь все слышали, как я уверял Марию Ильиничну, что глаз у меня совсем не болит.

И вдруг... нарыв лопнул. Боль мгновенно прекратилась. Я почувствовал себя таким счастливым, каким, кажется, не был больше за всю свою жизнь.

С тех пор я ещё больше полюбил кино. Жаль только, что в этот раз, занятый своими переживаниями, картину «Красные дьяволята» я так и не увидел.

Последние дни

Весной 1923 года болезнь Владимира Ильича сильно обострилась, но летом здоровье его улучшилось.

Лечивший В. И. Ленина профессор В. Н. Розанов впоследствии писал, что свежий воздух, уход, хорошее питание делали своё дело и Владимир Ильич постепенно поправлялся.

В погожие дни гуляли в парке, искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием. Он смеялся над неумением профессора искать грибы, подшучивал над ним, когда он проходил мимо грибов, которые Ильич видел издалека.

В то время Надежда Константиновна часами занималась с Ильичём. Владимир Ильич терпеливо и настойчиво учился писать левой рукой. Такие занятия проходили всегда в полном уединении, и только я иногда нарушал это правило.

Чтобы я не совал свой нос куда не следует, Надежда Константиновна давала мне разноцветные мелки́ и наглядные пособия, которыми она пользовалась при занятиях с Владимиром Ильичём.

В парке Горок.

Нагруженный такими подарками, я охотно уходил к себе в уголок и тоже садился «заниматься».

Так, играя, я самостоятельно рано научился читать. Беда была в том, что книги для детей тогда не издавались. К тому же кто-то решил, что сказки вредны для воспитания детей, и старые издания сказок были изъяты из библиотек.

Тогда недалеко от Кремля, около университета, велась широкая торговля старыми книжками. Анна Ильинична часто ходила на эту книжную ярмарку и покупала мне старые, потрёпанные, зачитанные книжки.

Писать я научился значительно позже, но прежде чем научиться писать, я уже пытался исправлять написанное.

Анна Ильинична работала в редакции журнала «Пролетарская революция». Она много писала тогда, и ей часто присылали домой гранки. Меня очень интересовала её работа над гранками, я никак не мог понять, для чего она исправляет то, что уже напечатано, ставит какие-то непонятные крючки и закорючки. Я приставал к ней с расспросами, мешал ей работать, и однажды она обстоятельно разъяснила мне, для чего и как всё это делается.

Тогда и я решил править гранки, но так как мне их не присылали, то я испещрил корректорскими знаками все свои растрёпанные книжки.

Вечерами у нас в Горках собиралось много ребят моего возраста. Тут были дети работников дома отдыха, шофёров. Каждый вечер мы затевали шумные игры возле дома. Играли в войну, а чаще в прятки. Ильич выходил на балкон и подолгу наблюдал за нашей игрой. А мы, видя, что на нас смотрят, старались вовсю. И Владимир Ильич не уходил с балкона до тех пор, пока нас не уводили домой спать.

В те дни, когда болезнь Владимира Ильича обострялась и он лежал в постели, я очень скучал и старался как можно чаще, хотя бы в щёлочку, заглядывать к нему в комнату. Иногда по его просьбе меня приводили к нему.

Говорить он тогда не мог, бывало, посмотрит ласково, улыбнётся, глаза у него заблестят, а я рад: дядя Володя улыбается,— значит, он скоро поправится и мы снова будем гулять с ним вместе.

Ёлка в Горках

В начале января 1924 года в Горках была устроена ёлка для детей.

Владимир Ильич был тогда очень болен и передвигался только в кресле-коляске.

О том, что у нас будет ёлка, я впервые услышал не от родных, а от работников охраны. Я с ними очень дружил. Это были верные солдаты революции — латышские стрелки́. Семьи многих из них находились за пределами нашей Родины — в буржуазной Латвии. Вернуться к себе домой они не могли — их бы сразу там посадили в тюрьму или даже расстреляли за то, что они сражались в России на стороне рабочих и крестьян за победу революции. Стрелки́ очень скучали по своим родным и поэтому любовно относились ко мне, охотно со мной играли.

Однажды, когда я утром зашёл к ним, я увидел, что двое из работников охраны смазывают лыжи. На мой вопрос — зачем, они ответили:

— А вот завтра поедем в лес, срубим ёлку, поставим дома и будем танцевать вокруг неё.

Я попросил их взять меня с собой, они обещали, при условии если я выучусь ходить на лыжах. А я уже давно мечтал об этом, да не было маленьких лыж, а на больших у меня никак не получалось.

Ещё в прошлую зиму я делал попытки выучиться ходить на лыжах, но все они кончались печально. С первого же шага я плюхался носом в снег и, нечего греха таить, часто с рёвом уходил домой.

Но теперь мне уже почти исполнилось семь лет. Я набрался храбрости, встал на большие лыжи и пошёл. Падал, конечно, и много раз, но уже не ревел. Плакать, да ещё перед стрелка́ми, мне было стыдно. Так шаг за шагом я научился не только ходить, но даже бегать на лыжах.

Рабочий кабинет В. И. Ленина в Горках.

А за ёлкой я так и не поехал. Проспал!

Когда на следующее утро я проснулся, большая, красивая, пушистая ёлка уже стояла в «Зимнем саду».

* * *

Игрушки и все украшения к ёлке долгими зимними вечерами мастерили, рисовали, клеили Мария Ильинична, Анна Ильинична и Надежда Константиновна. Я тоже что-то усердно резал, клеил, а потом мы все вместе украшали ёлку.

И вот наконец настал долгожданный вечер. Большая наша красавица ёлка, украшенная самодельными игрушками — цепями из разноцветной бумаги, коробочками, флажками — и даже несколькими настоящими игрушками, стояла и ждала гостей.

Они не заставили себя долго ждать. Ввалились шумной ватагой чуть ли не все ребята деревни, пришли дети рабочих совхоза и работников дома в Горках. Деревенские ребятишки пришли кто в чём мог — в валенках своих или отцовских, в лаптях. Некоторые были одеты в добротные полушубки, другие пришли в солдатских телогрейках с отцовского плеча. Увидев такую массу ребят, да ещё так пёстро одетых, я, по правде сказать, струсил и хотел было спрятаться, но меня перехватили и заставили принимать и занимать гостей.

Получив впервые такое ответственное задание, я изо всех сил старался оправдать доверие.

В зал, где стояла украшенная ёлка, входить до приглашения было запрещено. Я привёл ребят в библиотеку, достал старые русские и иностранные журналы, показывал и объяснял как умел яркие картинки.

Наконец нас позвали в зал, где стояла ёлка. Как только мы вошли, ёлка вспыхнула разноцветными огнями. И тут уж началось настоящее веселье. Мария Ильинична играла на пианино, Анна Ильинична и Надежда Константиновна водили с нами бесконечные хороводы, играли в кошки-мышки и другие весёлые игры.

В разгар праздника в кресле на колёсах к нам приехал Владимир Ильич. Он ласково глядел на возбуждённых игрой ребятишек.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна принесли корзинку с подарками. Освещённый радостной улыбкой, Владимир Ильич с удовольствием вручил каждому ребёнку какой-нибудь подарок. Единственным, кому не хватило подарка, оказался я. Мне было очень обидно. И хотя мне объяснили, что нельзя же было оставить кого-нибудь из гостей без подарка, обещали дать подарок завтра, но обида не проходила долго.

Чуть ли не на следующий день после праздника ёлки я заболел корью. Меня увезли в Москву. А пока я болел, Владимира Ильича не стало. Я ещё не совсем оправился от болезни, но, уступая моим настойчивым просьбам, меня взяли с собой в Колонный зал Дома Союзов. Там я вместе со всеми попрощался с Владимиром Ильичём Лениным.

По памятным местам

Когда Ильича не стало, Мария Ильинична часто брала меня с собой, и мы отправлялись с ней гулять по местам, которые особенно любил Владимир Ильич. Много таких мест было в парке и в окрестностях Горок.

Мне уже шёл восьмой год, и я хорошо запомнил эти длительные прогулки, во время которых Мария Ильинична много рассказывала мне о детских годах жизни Владимира Ильича.

Позже мы отправлялись в более дальние путешествия, но уже не пешком, а на автомобиле. Шофёр Ленина С. К. Гиль возил нас туда, куда часто ездил с Владими-

ром Ильичём. Из наших путешествий мне особенно запомнились два места. Одно называлось Чёрная Грязь. Это было густо заросшее осинником и орешником болото, вокруг которого в изобилии росли грибы. Сюда Владимир Ильич ездил охотиться и собирать грибы. Другое место находилось где-то под Барвихой. Это была очень красивая, чистая, прозрачная берёзовая роща, откуда открывался замечательный вид на Москву-реку и окрестные поля.

— Сюда,— рассказывал нам Гиль,— Владимир Ильич приезжал ненадолго, чтобы подышать свежим воздухом и отдохнуть, когда не мог на более длительное время освободиться от работы.

Как-то раз, когда мы отправлялись из Горок в такое путешествие, Мария Ильинична обратила моё внимание на одно место у дороги и сказала, что здесь однажды произошло неприятное происшествие.

— Как-то мы выехали с Владимиром Ильичём из Москвы поздно вечером в открытой машине. Темнело, дорога была пустынной, встречных машин не попадалось, и ехали мы спокойно. Вдруг шофёр резко свернул в сторону, и мы вместе с машиной свалились в канаву. К счастью, никто не пострадал. Как товарищу Гилю в сумерках удалось заметить тонкую проволоку, протянутую через дорогу, трудно понять. Случайно или умышленно у дороги было повалено несколько столбов. Висевшая на них проволока перегородила дорогу. Если бы Степан Казимирович вовремя её не заметил, никто бы из нас не остался в живых.

Иногда наши путешествия по подмосковным местам, которые особенно любил Владимир Ильич, проходили молчаливо. Мария Ильинична, глубоко задумавшись, часами бродила по лесным тропинкам.

А когда мы возвращались домой, она садилась за рояль и долго играла любимые В. И. Лениным произведения.

Окрестности Горок.

Сделай сам

Как-то Анна Ильинична принесла большой ящик с кубиками и показала, какие предметы можно построить из них, а потом предложила мне всё это смастерить самому.

Однажды она подарила мне несложный набор слесарного и столярного инструмента и научила им пользоваться. Из Германии кто-то привёз великолепный конструктор. Из его деталей можно было собирать любые вещи: автомобили, паровозы, подъёмные краны — словом, всё, что задумал.

Из картона и бумаги Анна Ильинична учила клеить различные игрушки. Занятия всеми этими делами приучали меня к усидчивости и трудолюбию.

К празднику ёлки большинство украшений я делал сам. Мастерил также различные полочки, шкатулки, папки и дарил их на день рождения всем членам семьи. Лучшей наградой для меня была похвала за мастерство.

Анна Ильинична постепенно усложняла задания и однажды заказала мне сделать маленький столик, что я и выполнил с большим усердием. За это в день моего рождения она подарила мне большую готовальню.

Я научился чертить и полюбил это занятие. Люблю его до сих пор.

Виктор Ульянов в детском саду.

Шахматы и музыка

Когда мой отец приехал в Москву, он первое время, пока не имел квартиры, жил у Анны Ильиничны. Отец хорошо играл в шахматы, любил собирать у себя компанию шахматистов и устраивать шахматные состязания.

К нам приходили его друзья и знакомые со своими шахматами, рассаживались попарно, и начиналась игра, которая продолжалась часто до полуночи.

Анна Ильинична научила и меня играть в шахматы.

Среди постоянных участников состязаний был известный в то время шахматист Дуз-Хотимирский. Я с большим интересом следил за шахматной игрой. Иногда, когда не хватало взрослого партнёра, и меня приглашали играть.

Мои партнёры, конечно, учитывали мой возраст, но я этого не замечал и играл, как говорят, в полную силу.

Пытались учить меня и музыке, но здесь, надо признаться, дело застопорилось почти с самого начала. Правда, я быстро освоил нотную грамоту и довольно бегло играл детские пьески, но часами играть гаммы было свыше моих сил. Когда Анна Ильинична убедилась в этом, занятия музыкой были прекращены.

Анна Ильинична пристально следила за моим развитием, стремилась распознать мои склонности. Впоследствии я читал её тетради, в которых она отмечала «мои достижения» и даже записывала в них стишки, которые я отваживался сочинять.

Куда девались трубачи?

Анна Ильинична частенько ходила со мной в театр.

Помню, сильное впечатление произвела на меня опера «Сказка о царе Салтане» в Большом театре.

Там перед каждым действием на сцену выходили трубачи. Одетые в яркие пёстрые костюмы, освещённые ослепительным светом прожекторов, они трубили в длинные-длинные трубы.

После «Сказки о царе Салтане» при посещении любого театра я с нетерпением ожидал выхода трубачей, но они почему-то не появлялись.

Долго я мешал взрослым смотреть пьесы, всё время приставая к ним с вопросом:

— Когда же, наконец, выйдут трубачи?

Кроме трубачей, в «Сказке о царе Салтане» мне очень понравилась царевна-лебедь, которую играла тогда ещё совсем молодая артистка В. В. Барсова. Когда она, удаляясь

Д. И. Ульянов с сыном Виктором. 1921 г.

за кулисы, проходила мимо директорской ложи, где мы сидели, я громко спросил её:

— Тётя, а почему у вас звезда во лбу потухла?

Она улыбнулась, дёрнула за какую-то верёвочку, и звезда ярко засияла вновь...

Мария Ильинична нежно любила Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Когда Ильича не стало, она особенно чутко и бережно относилась к Надежде Константиновне. На Марии Ильиничне лежали все хозяйственные заботы в семье. Она всячески стремилась отвлечь Надежду Константиновну от горестных мыслей, мягко, но настойчиво «вытаскивала» Надежду Константиновну на многие премьеры, приглашения на которые они получали от театров Москвы.

Часто они брали и меня с собой в театр.

Запомнился мне спектакль, который, кажется, назывался «На берегах Невы». Это было уже спустя много лет после смерти В. И. Ленина. В этой пьесе артист, игравший роль В. И. Ленина, на сцене не появлялся, но его голос был слышен из-за кулис.

Надежде Константиновне тогда показалось, что она слышит действительно голос Ильича, записанный на граммофонную пластинку. На самом же деле говорил за сценой тогда ещё молодой артист М. М. Штраух. Надежда Константиновна выразила горячую благодарность этому замечательному артисту.

За «синей птицей»

В детстве, не знаю почему, я был большим плаксой. Как что не по мне, я в рёв.

В детском саду меня часто дразнили ребятишки:

Плакса, вакса, гуталин,
На носу горячий блин...

От этого я ревел ещё громче. Однажды Анна Ильинична сказала:

— Если ты не будешь плакать целую неделю, мы пойдём с тобой на птичий базар и я куплю тебе птичку, какую ты захочешь.

Иметь живую птичку было моей давнишней мечтой, поэтому я старался как мог, крепился изо всех сил, но все семь дней выдержать не мог.

К концу недели мои силы иссякали, и я позорно нарушал условие.

Так «синяя птица» мне не досталась! Но мои старания не пропали даром. Через некоторое время я всё же перестал быть плаксой.

Впрочем, позднее я узнал, что вообще зря старался. Всё равно мне бы не позволили держать птичку в клетке. Против этого были все в семье Ульяновых.

Все они подолгу сидели за решёткой в царских тюрьмах и знали, что такое неволя.

Через много лет Анна Ильинична, вспоминая этот эпизод, сказала, что, если бы я и выдержал условие и мы бы купили птичку, она сумела бы уговорить меня выпустить её на волю.

В школе и дома

Дома меня никогда не наказывали, но и не баловали. Не наказывали не потому, что я был пай-мальчик. Шалил я, конечно, как все дети, но в семье Ульяновых относились друг к другу с большим уважением, и я с детских лет невольно проникся уважением к окружающим меня людям. Достаточно было кому-нибудь сделать мне замечание, как я сразу же прекращал свои шалости.

Замечания эти делались всегда в такой форме, что я сразу понимал, «что такое хорошо и что такое плохо».

Я уже рассказывал, что с ранних лет меня приучали делать всё самостоятельно: одеваться, убирать постель, чистить обувь и принимать посильное участие в общем домашнем труде — подметать пол, мыть посуду. Словом, обходиться без нянек.

«Первый раз в первый класс» я пошёл, когда мне исполнилось восемь лет. Школа находилась на Знаменской улице. В этой школе очень слаба была дисциплина. Ученики часто без всякой причины пропускали занятия или, сидя в классе, занимались посторонними делами. Иной раз во время урока в классе возникал такой шум, что не только учителя, но и своего голоса не услышишь.

Узнав о таких «порядках», Анна Ильинична перевела меня в школу рабочей молодёжи — ФЗС (фабрично-заводская семилетка). Там обстановка была совсем иной. Дисциплина строгая. Учителя никому не делали поблажек. В школе работали различные кружки, особенно активно кружок радиолюбителей.

Тогда массовая радиосвязь только начинала развиваться в стране. Ребята с увлечением, соревнуясь и помогая друг другу, собирали радиоприёмники и даже оборудовали радиоузел в школе. В числе радиолюбителей был и я.

Анна Ильинична очень радовалась тому, что я увлёкся серьёзным делом, но особенно она была довольна тем, что я находился в хорошем коллективе рабочих ребят. Одно плохо: школа была далеко от нашего дома.

Однажды в Москве шёл сильный снегопад. Снегоуборочных машин тогда не было, дворники сгребали снег лопатами. В зимнее время по краям мостовых и тротуаров вырастали снежные горы, которые на большинстве улиц сохранялись до весеннего таяния. В тот день снегопад был таким обильным, что остановился даже транспорт. В школу я добирался пешком. Пробираясь по снежным коридорам, я пришёл в школу только к 11 часам. Обычно же я ездил в школу на трамвае. Впрочем, один раз меня подвезли на автомобиле: шёл сильный ливень, а плаща у меня не было.

Анна Ильинична привила мне и любовь к географии.

Сколько себя помню, всегда моим любимым занятием было чтение. Тётя Аня частенько спрашивала содержание прочитанных книг. При этом она дополняла книгу географическими данными: где, в какой стране жили герои книги. По глобусу мы смотрели, как туда проехать. Позднее на стене моей комнаты в доме на Манежной улице появилась большая географическая карта, по которой я вместе с друзьями любил совершать путешествия.

В дальнейшем, в школе, я с интересом учил уроки по географии, удивляя одноклассников умением быстро ориентироваться на карте.

Будь как все!

Летом 1931 года Бауманский райком комсомола посылал отряд комсомольцев в один из совхозов Крыма на полевые работы. Мне было тогда четырнадцать лет. Я не был ещё комсомольцем, но меня тоже приняли в отряд. Он насчитывал 400 человек. Вместе с нами были отправлены для поправки здоровья 100 малышей.

Анна Ильинична сначала возражала против моей поездки, но Надежда Константиновна и Мария Ильинична меня поддержали.

— Пускай потрудится,— сказали они.

И большинством голосов вопрос был решён в мою пользу.

Потрудиться нам действительно пришлось основательно. Мы сажали и пропалывали овощи, работали в саду, копали арыки. Вода из арыков направлялась в поле, превращавшееся в сплошное болото. Оно быстро высыхало. Под жгучим солнцем земля покрывалась стальной коркой, которую надо было взрыхлять у каждого кустика. Цапкой долбишь, долбишь

землю, а она не поддаётся. Солнце жжёт немилосердно. Дождя ждали как праздника, но дождей почти не было.

Стойко переносить все эти трудные условия помогал нам прекрасный коллектив. За всё время, что мы пробыли в Крыму, между ребятами не было ссор. Всё, что присылали нам родные, шло в общий котёл, самые вкусные вещи отдавали малышам.

Поработали мы, наверное, неплохо. Перед возвращением отряда в Москву директор совхоза предоставил нам возможность отдохнуть две недели на побережье Чёрного моря.

Когда я был в Крыму, недалеко, в Мухалатке, отдыхали Мария Ильинична и Надежда Константиновна. Я просил их приехать ко мне, они обещали. Об этом я успел «раззвонить» в отряде. Их приезда с нетерпением ждали все. Но они так и не приехали. Когда в Москве я обиженно

М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, Д. И. Ульянов в Горках. 1934 г.

спросил, почему они, пообещав приехать, не приехали, Надежда Константиновна сказала:

— Мы узнали, что к другим ребятам, даже к малышам, за всё лето никто не приезжал. Было бы огорчительно для других, если бы мы приехали к тебе. Ты не обижайся. Будь как все!

Посылка из Кремля

В 1935 году умерла Анна Ильинична, её похоронили в Ленинграде на Волковом кладбище, рядом с матерью — Марией Александровной Ульяновой, сестрой Ольгой и мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым. Я переехал в Кремль и жил вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в их квартире.

Надежда Константиновна вставала рано. Утренние часы, когда в доме ещё все спали, были любимым временем её работы. В 6 часов утра она уже сидела за столом — писала, правила гранки или разбирала очередную пачку писем, которые ежедневно приносила домой.

Надежда Константиновна очень внимательно относилась к письмам. Читая их, она радовалась успехам в строительстве новой жизни, глубоко переживала все горести и обиды, о которых писали ей её корреспонденты. Особенно чутко она относилась к жалобам и просьбам о помощи. Её ответы на письма были проникнуты большой теплотой.

В детстве Надежда Константиновна разрешала мне вскрывать конверты, чем я с увлечением занимался, аккуратно складывая письма в большие пачки. Повзрослев, я часто помогал Надежде Константиновне и её секретарю В. С. Дридзо в разборе корреспонденции и проверке картотеки ответов.

Мне особенно запомнилось одно письмо, присланное откуда-то с Крайнего Севера. Писали комсомольцы-молодожёны. Они рассказывали, что работают с большим увлечением, хорошо зарабатывают, живут, в общем, неплохо, но жаловались на торговые организации, которые не обеспечивают людей, работающих в очень сложных условиях, необходимыми товарами. Недавно у них родился ребёнок, а купить самых простых вещей, нужных для малыша, они не могут.

Надежда Константиновна направила это письмо в Народный комиссариат торговли с просьбой внимательно отнестись к справедливой жалобе комсомольцев. Кроме того, она прочла письмо на «семейном совете», на котором было решено купить всё, что нужно для ребёнка, и послать посылку молодожёнам. Так и было сделано.

Летом 1919 года Надежда Константиновна поехала на агитационном пароходе «Красная звезда» по реке Волге. Пароход двигался вслед за наступающей Красной Армией.

В письме к Надежде Константиновне В. И. Ленин сообщал ей тогда:

«Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать что можно».

А ведь это был самый тяжкий год в жизни нашей молодой Советской страны, забот у Владимира Ильича было очень много.

«Я никогда не слыхала от Ильича,— писала Надежда Константиновна,— что ему было некогда, когда дело шло о помощи людям».

Подарок матери

Когда я поступил в авиационный техникум, который находился довольно далеко от Кремля, мне тоже пришлось вставать очень рано.

В эти утренние часы Надежда Константиновна особенно часто беседовала со мной.

Завтракали мы на кухне, и за завтраком Надежда Константиновна обычно вспоминала различные эпизоды из своей жизни и из жизни Владимира Ильича. Вспоминала, как они впервые встретились и познакомились, как жили в ссылке и в эмиграции.

Многое из того, что она мне рассказывала, я впоследствии прочёл в её воспоминаниях о Ленине. Очевидно, она тогда обдумывала, а может быть, и писала их, и, возможно, я был одним из первых её слушателей.

Между прочим, меня удивляло, что Надежда Константиновна плотно завтракала, но мало ела за обедом и редко ужинала. Как-то я спросил её об этом, и она ответила, что привычку питаться так она приобрела в эмиграции.

— Там у нас часто было очень туго с деньгами, а работа была напряжённая. Вот тогда-то мы с Владимиром Ильичём установили такой режим питания: плотно позавтракать, чтобы можно было спокойно работать весь день, часто обходясь (по необходимости) без обеда.

Из того, что я слышал тогда от Надежды Константиновны, мне особенно хорошо запомнился рассказ о часах Владимира Ильича.

Владимир Ильич горячо любил свою мать — Марию Александровну Ульянову, которая мужественно переносила все невзгоды, выпавшие на её долю. Она была самым близким другом своих детей. Как могла Мария Александровна старалась облегчить их участь, хлопотала за них во время арестов, шла за ними в ссылку, но никогда не пыталась отговорить их от тернистого пути борьбы за счастье народа — борьбы, которой посвятили свою жизнь все её дети.

— Когда мы жили во Франции,— рассказывала Надежда Константиновна,— у нас одно время было совсем плохо с заработками. Получали мы гроши за случайные переводы различных произведений с русского на французский язык. Дело доходило до того, что приходилось закладывать вещи в ломбард.

Единственной ценной вещью, которая имелась у нас, были часы, подаренные Владимиру Ильичу его матерью. Раньше часы принадлежали его отцу — Илье Николаевичу Ульянову. Владимир Ильич очень дорожил ими. Часы закладывались только в крайнем случае, когда другого выхода не было, и всегда выкупались.

Сейчас эти часы хранятся в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

Праздник 1 Мая в ссылке

Запомнился мне и рассказ Надежды Константиновны о том, как они встречали в ссылке первомайский праздник. Было это в конце прошлого века, в 1899 году.

— Вышли в поле шесть человек,— вспоминала Надежда Константиновна,— четверо взрослых и двое детей, пели песни. А вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена одного ссыльного. К хору присоединились и моя мать, приехавшая со мной в ссылку, и местная тринадцатилетняя девочка, помогавшая нам в Шушенском по хозяйству. Пели хором революционные и народные песни. А потом мы с Владимиром Ильичём мечтали о мощных рабочих первомайских демонстрациях, в которых нам когда-нибудь доведётся принять участие.

Надежда Константиновна рассказывала с гордостью и о том, как они в ссылке развели огород, в котором росли огурцы, морковь, свёкла, тыква.

В гостях у помещицы

О себе Надежда Константиновна говорила редко. Однажды, вспоминая свои детские годы, она рассказала, как, будучи ещё одиннадцатилетней девочкой, случайно попала в гости к одной богатой помещице.

Помещица пожелала присутствовать на экзамене детей, окончивших школу, содержавшуюся на её средства. Для этого и приехали ребята вместе с учительницей из соседней деревни в усадьбу помещицы.

Надежда Константиновна жила тогда в этой деревне и дружила с ребятишками, приехавшими на экзамен. С ними она и попала в гости к помещице. Экзамен был устроен в её доме.

Надежду Константиновну поразила целая свора собак, свободно резвившихся в роскошно обставленных комнатах. После экзамена гостей пригласили обедать. Сама помещица разливала суп. Сначала она наполнила собачьи тарелки, и прислуга разнесла их, а потом уже она наливала суп детям.

Отец Надежды Константиновны работал на фабрике в городе Угличе, он часто рассказывал ей о безобразиях, которые там творились, о непосильном труде рабочих и жутких условиях их жизни. Даже у детей рабочий день на этих фабриках продолжался тогда свыше 12 часов.

В какой-то степени эти впечатления детства помогли ей определить свой жизненный путь — путь беззаветной борьбы за освобождение рабочего класса и крестьянства от гнёта помещиков и капиталистов.

Живая вода

Большую радость доставляли Надежде Константиновне встречи с людьми. В последние годы жизни она особенно часто встречалась с комсомольцами, пионерами, учителями, рабочими и колхозниками.

Особое удовольствие она испытывала при посещении детских технических станций, на которых она внимательно рассматривала различные работы ребят. Она была страстным пропагандистом трудового воспитания детей, много писала об этом и часто выступала.

К детям она относилась с особой теплотой. В автобиографии она писала:

«Я всегда очень жалела, что у меня не было ребят. Теперь не жалею. Теперь их у меня много — комсомольцы и юные пионеры. Все они ленинцы, хотят быть ленинцами. По заказу юных пионеров написана эта автобиография. Им, моим милым, родным ребятам, я её и посвящаю».

В 1937 году Надежда Константиновна была избрана депутатом Верховного Совета СССР от Серпуховского избирательного округа. К встрече с избирателями она особенно тщательно готовилась. Ни болезнь, ни преклонные годы не могли помешать ей часто выезжать в Серпухов для выступления на предприятиях. Возвращалась она всегда очень взволнованная и довольная.

— Как будто живой воды напилась! — говорила она.

Обычно почти всё, о чём Надежда Константиновна говорила со мной, было связано с жизнью Владимира Ильича. Как-то она сказала мне, что у неё давно установилась привычка обо всём, что она наблюдала или слышала, делиться с Ильичём. И много лет спустя после смерти Владимира Ильича она всё ещё мысленно беседовала с ним.

По Волге

Летом 1936 года Мария Ильинична предприняла путешествие по Волге, решив посетить города, в которых прошли детские и юношеские годы Владимира Ильича и всей семьи Ульяновых.

До Нижнего Новгорода (г. Горький) поехали поездом. Оттуда на маленьком пароходике, который назывался «Плёс», мы отправились вниз по Волге.

Тогда я впервые увидел эту могучую русскую реку. Любуясь её широкими просторами, живописными берегами, орлиными кручами Жигулей, я видел, с какой грустной радостью смотрит на родные берега Мария Ильинична. Она чувствовала, что это её последнее свидание с родной Волгой. Едва ступив на пароход, она тихо сказала:

— Ну вот, видно, на Волге я уже в последний раз.

Но грустное настроение не мешало ей живо интересоваться текущими делами и событиями. Радиста она просила всё время поддерживать связь с Москвой. Тогда в Испании шла гражданская война, там происходила первая схватка с фашистами. В ожесточённой борьбе на стороне республиканской Испании принимали участие революционеры многих стран. Немало было там добровольцев из Советской России.

Мария Ильинична жадно ловила каждое сообщение о положении на многочисленных фронтах Испании.

В каждом городе, в котором мы останавливались, она прежде всего посещала местное Бюро жалоб и проверяла его работу. Тогда она заведовала Бюро жалоб Комиссии советского контроля.

В Казани

Первую остановку мы сделали в Казани. Мария Ильинична показывала мне дома, в которых они жили всей семьёй, когда Владимир Ильич учился в Казанском университете. Две квартиры были на так называемой Первой горе. В одной они жили до ссылки Владимира Ильича в село Кокушкино после «беспорядков» в Казанском университете, в другой — после возвращения из ссылки.

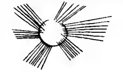
Из Казани на автомобиле мы отправились в село Кокушкино — место ссылки Анны Ильиничны, а затем и Владимира Ильича. На встречу с Марией Ильиничной пришло много народа. Она долго разговаривала с крестьянами, среди которых было немало стариков, помнивших её ещё десятилетней девочкой — столько лет было ей, когда она жила в селе Кокушкино.

Мария Ильинична посетила детский сад, разместившийся в доме, где жила семья Владимира Ильича. Она подробно знакомилась с работой детского сада, ласково беседовала с детьми, а потом мы отправились с ней в лес.

Бродя по лесу, Мария Ильинична рассказывала:

— Я хорошо помню эти места. Когда мы жили здесь, Володя в летнее время, искупавшись и позавтракав, отправлялся в этот лес. Вот здесь он часто сидел и читал, а тут он любил гулять.

На родине В.И.Ленина — в Ульяновске

Из Казани мы отправились в Ульяновск. Там наша остановка была более продолжительной.

Долго бродили по городу, в котором прошло детство Владимира Ильича. Побывали во всех особенно любимых им местах.

Прежде чем войти в дом по Московской улице (ныне улица Ленина, 58), где жила семья Ульяновых с 1878 по 1887 год, мы зашли во двор, который был самым любимым местом игр и отдыха всех детей Ульяновых.

Вспоминая об этой поре, мой отец — Дмитрий Ильич — рассказывал:

«На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллейкам сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись верёвочкой друг с другом.

Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бегал за кучера, постёгивал меня хлыстиком, всё было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадёжно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил: лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить её чем-нибудь вкусным — например, чёрным хлебом с солью, что, мол, лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бегал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сёстрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией с Аней и Сашей в чёрную палочку, причём тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Чёрная палочка пришла, никого не нашла; кого первого найдёт, того с палочкой пошлёт». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним».

В доме, в котором прошли детские годы Владимира Ильича, был уже Музей В. И. Ленина. Мария Ильинична ходила с работниками музея по дому и рассказывала, какая обстановка была в той или другой комнате, какая в них стояла мебель, кто где жил, в какой комнате обычно собиралась вся семья вместе.

В Самаре

Последняя остановка у нас была в Самаре (г. Куйбышев). Но в самом городе мы долго не задержались. Тогда там ещё не было Музея В. И. Ленина. Дома́, в которых в конце прошлого и начале этого века жила семья В. И. Ленина, были населены и перенаселены жильцами. Мы осмотрели их только с наружной стороны и выехали в село Алакаевку, расположенное в 50 километрах от Самары.

Мария Ильинична долго гуляла по знакомым с детства местам.

— Они,— как она говорила,— сильно изменились с тех пор.

Домика, в котором жила их семья, уже не было. На его месте колхозом была выстроена школа, носящая имя В. И. Ленина...

— Здесь,— говорила Мария Ильинична,— у каждого из нас был свой любимый уголок. У этого старого клёна часто сидела моя старшая сестра Оля. Мы так и звали это дерево «Олин клён». Оля очень дружила с Владимиром Ильичём. Она была очень способной девушкой, но её способностям не суждено было полностью проявиться. Она умерла совсем молодой, в 19 лет.

Берёзовая аллея была любимым местом прогулок Анны Ильиничны.

В конце липовой аллеи, в которой деревья почти смыкались кронами, свой уголок устроил Владимир Ильич. Там он соорудил себе стол и скамью, а неподалёку от стола — трапецию.

Владимир Ильич серьёзно занимался в своём уголке обычно с утра до обеда. Уставая, он делал небольшой перерыв и упражнялся на трапеции.

После посещения Алакаевки мы вернулись в Самару и на том же пароходе отправились в обратный путь.

По пути домой мы останавливались в наиболее живописных местах. Мария Ильинична молчаливо, в глубокой задумчивости прогуливалась вдоль берега, садилась на пенёк и долго-долго смотрела на Волгу. Она прощалась с любимой русской рекой — колыбелью всей семьи Ульяновых.

В июне следующего, 1937 года Марии Ильиничны не стало. Она умерла в возрасте 59 лет и похоронена на Красной площади.

Заключение

Давно, очень давно прошла светлая и счастливая пора моего детства!

Я хорошо помню торжественный парад юных пионеров на Красной площади, который состоялся в 1924 году по

В. Д. Ульянов в пионерском лагере. 1960 г.

случаю присвоения пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

С тех пор юные пионеры не раз доказывали делом свою беззаветную преданность великому делу Ленина.

В год 100-летия со дня рождения Владимира Ильича во многих школах были созданы Ленинские комнаты, а в некоторых даже музеи В. И. Ленина.

Кто не знает имён Павлика Морозова, Володи Дубинина и многих, многих других юных пионеров, отдавших свою жизнь в борьбе с врагами нашей Советской Родины!

Комсомольцы Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и тысячи других бессмертных героев Великой Отечественной войны первую ленинскую закалку получили в пионерских дружинах.

Герои наших дней Юрий Гагарин, Герман Титов, Валентина Терешкова и все наши космонавты, первыми в мире проложившие дорогу к звёздам, тоже были юными пионерами.

Ребята обращаются ко мне с просьбой прислать им свои воспоминания. Ответить на все эти письма я физически не в состоянии. Откликаясь на просьбы ребят, я как мог рассказал здесь о детских и юношеских годах, проведённых в семье Ульяновых.

О Викторе Дмитриевиче Ульянове

Автор этих рассказов — Виктор Дмитриевич Ульянов, сын Дмитрия Ильича Ульянова, младшего брата В. И. Ленина.

Жизнь его была озарена счастьем тесного общения с Владимиром Ильичём Лениным и Надеждой Константиновной Крупской, с сёстрами В. И. Ленина — Анной Ильиничной и Марией Ильиничной.

Виктор Дмитриевич родился 30 января 1917 года в селе Кравцово Московской области (недалеко от г. Серпухова). Ему было около двух лет, когда внезапно (после тифа) умерла его мать и он остался на попечении сестры матери, а затем — престарелой бабушки.

Шла гражданская война. Отец находился в Крыму на ответственной работе. Виктора забрала к себе сестра Дмитрия Ильича — Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

Сначала Виктор жил у неё на Манежной улице в Москве. Когда Анна Ильинична тяжело заболела, она переехала в кремлёвскую квартиру, жила вместе с Марией Ильиничной Ульяновой и Надеждой Константиновной Крупской. После смерти Анны Ильиничны в этой квартире В. Д. Ульянов жил до марта 1939 года (теперь там музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»).

По отзывам родных В. И. Ленин очень любил своего племянника. Надежда Константиновна Крупская вспоминает: «И к детям был внимателен и ласков Владимир Ильич. Когда осенью жил у нас племянник Владимира Ильича Витя, шестилетний мальчик, с товарищем Лёшей Павловым, какими ласковыми глазами следил Ильич за ребятами, внимательно прислушивался к их детской болтовне, ласково смеялся, смотрел, как слушают они сказки, заботился, чтобы ничем их не стесняли» (Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти томах. М., Изд-во политической литературы, 1984, т. I, с. 577—578).

В 1937 году Виктор Дмитриевич закончил Московский авиационный техникум и получил специальность техника-технолога. В этом же году поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Н. Э. Баумана, где учился до начала Великой Отечественной войны. С 1941 по 1972 год работал в одном из научно-производственных объединений в г. Москве. Последние 15 лет руководил Центральной лабораторией.

Был он человеком трудолюбивым и душевно щедрым, простым и общительным. Вёл большую общественную работу. Активно участвовал в деятельности Центрального музея В. И. Ленина, оказывал действенную помощь в организации Музея В. И. Ленина в Горках и создании Музея В. И. Ленина (в квартире А. И. Ульяновой-Елизаровой) на Манежной улице в Москве.

Виктор Дмитриевич переписывался с музеями В. И. Ленина в Саратове и Тарту, с народными музеями В. И. Ленина РСФСР, Украины, Чувашии, Якутии, Коми АССР. Вёл обширнейшую переписку с Ленинскими комнатами и музеями, с Клубами интернациональной дружбы (КИД) школ, техникумов, детдомов и ПТУ.

Трудовые заслуги В. Д. Ульянова отмечены высокими правительственными наградами: орденом Красной Звезды, медалями «За трудовое отличие», «За оборону Москвы», «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда» и др.

В ноябре 1984 года после тяжёлой, продолжительной болезни Виктор Дмитриевич Ульянов скончался.

В. Ульянова

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге присылайте по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Виктор Дмитриевич Ульянов

В ГОРКАХ

Рассказы

Ответственный редактор С. П. Мосейчук
Художественный редактор Г. Ф. Ордынский
Технический редактор В. К. Егорова
Корректор Е. И. Щербакова

ИБ № 9156

Сдано в набор 10.10.85. Подписано к печати 02.04.86. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт журнал.-рубл. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 5,56. Уч.-изд. л. 3,29. Тираж 300 000 экз. Заказ № 626. Цена 15 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ульянов В. Д.

У51 В Горках: Рассказы/Переизд.— М.: Дет. лит., 1986.— 63 с., фотоил.

15 к.

Рассказы Виктора Дмитриевича Ульянова, сына Дмитрия Ильича Ульянова, о жизни в семье Ульяновых, о своих встречах с Владимиром Ильичём Лениным.

У $\frac{4803010102-298}{М101(03)86}$ 405—86

ББК13.5
ЗК26

